

УДК 340.69
DOI 10.52452/19931778_2024_1_118

ОБЪЕКТЫ СУДЕБНОГО РЕЧЕВЕДЕНИЯ

© 2024 г.

Е.В. Новожилова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

elena.v.novozhilova@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.06.2023

Статья посвящена одному из основных аспектов теории судебного речеvedения (частной теории судебной экспертизы). Суммируются и проверяются с позиции формальной логики все представления об объекте судебного речеvedения, изложенные в современной научной, методической и учебной литературе на русском языке. Предлагается новое определение объекта, классификация объектов по типу информации и виду материального носителя.

Ключевые слова: судебное речеvedение, судебная лингвистическая экспертиза, объект.

Уяснение того, что за объект находится перед ним, – это вспомогательная задача судебного эксперта, но хронологически в ряду задач она занимает почетное первое место.

Судебные речеvedческие экспертизы (лингвистическая, автороведческая, нейминговая, экспертиза фонограмм) имеют дело не просто с конкретными, а с материально обособленными объектами: такими, у которых есть границы, есть начало и конец, такими, которые можно передать из рук в руки. Этим судебное речеvedение отличается от материнской научной области – языкознания, где объект может быть и абстрактным, и неисчислимым, и безразмерным. Конкретность и обособленность – важнейшие качества объектов судебной экспертизы. Термин «текст» – «последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [1, с. 1] – не отражает этих качеств, поэтому нуждается в уточнении или замене.

Рассмотрим определения объектов речеvedческих экспертиз, предлагаемые в современной научной, методической и учебной литературе по этой теме. Мы рассчитываем увидеть единую классификацию или же несколько ее вариантов – и во всяком случае, даже при наличии разночтений, хотели бы обнаружить, что все родовые объекты входят в более широкое множество – множество объектов класса судебного речеvedения: это было бы логически правильно.

Класс судебных речеvedческих экспертиз. В монографии «Судебная экспертология: история и современность», подготовленной научной школой Института судебных экспертиз МГЮА, дано краткое определение: «Объекты судебного речеvedения – следы (продукты) речевой деятельности человека, в качестве которых выступают речевые произведения, зафиксированные

на материальном носителе, вовлекаемые в сферу судопроизводства» [2, с. 89]. Более подробно объясняется в учебнике МГЮА «Судебное речеvedение»: общие объекты класса – это «зафиксированные на любом материальном носителе продукты речевой деятельности, используемые в судопроизводстве в качестве источников доказательств. Продукт речевой деятельности на каком-либо языке может стать объектом экспертного исследования, когда он является следом конкретного речевого акта (речевым следом), запечатленным на материальном носителе», «Объектами судебного речеvedения могут быть записи письменной речи, электронные тексты, записи устной речи – фонограммы (видеофонограммы) с зафиксированной устной речью (и видимой ее артикуляцией)» [3, с. 14, 16].

Уточнение «используемые в судопроизводстве в качестве источников доказательств» не имеет значения для настоящего разбора, ведь процессуальное законодательство не налагает ограничения на форму объектов, она может быть любой. (Ср. ч. 1 ст. 71 ГПК РФ – возможные «иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи», «документы, подписанные электронной подписью <...> либо выполненные иным позволяющим установить достоверность документа способом», «схемы, карты, планы, чертежи»; ч. 2 ст. 84 УПК РФ – «материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации»; ч. 2 ст. 89 АПК РФ – «Иные документы и материалы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменной, так и в иной форме».) Но важно то, что это определение значительно сужает круг объектов: из него исключены и речевые объекты вне речевых актов, и все *неречевое* – знаки, символика, выражение эмоций (ведь «речевое произведение –

это мысль, выраженная словами» [3, с. 15]) и самое главное – визуальная составляющая неоднородных, комбинированных объектов (видео, кино, плакатов, комиксов, карикатур и мн.др.), то, что активно исследуется на практике именно речеведами. Для судебной лингвистической экспертизы – основного рода речеведческих экспертиз – это подавляющее большинство объектов.

Второй важный аспект этого определения – то, что понимание объекта усложнено. Чтобы понять, объект перед ним или нет (то есть установить пригодность), эксперт должен предпринять большое предварительное исследование, сопоставимое по трудоемкости с основным. (И не факт, что нужно.) Если «продукт речевой деятельности на каком-либо языке может стать объектом экспертного исследования, когда он является следом конкретного речевого акта» [3, с. 14], то эксперт должен применить лингвопрагматический анализ и определить, сколько перед ним речевых актов и каких именно, для каждого речевого акта установить ряд параметров: субъект, адресат, иллюкутивная цель и пр. Конечно, можно выполнить это и приблизительно, на глазок, но тогда вся работа будет лишена научной основы.

Третий аспект (скажем о нем отдельно) – это значительное противоречие с экспертной практикой. Если следовать данному определению буквально (а научная основа судебной экспертизы предполагает буквальное понимание и применение), то эксперт должен отказываться от исследования не полностью речевых объектов, например с преобладанием визуальной составляющей, как от непригодных. Однако практическое понимание непригодности иное (и экспертами, и лицами, назначающими экспертизу), и оно ставит исполнителя перед выбором: или отказаться от исследования такого «пригодного неobjекта», или же принять его в работу. В первом случае поведение эксперта будет расценено как саботаж и может привести к увольнению, во втором – усложненное теоретическое определение объекта становится фикцией.

Судебная лингвистическая экспертиза – наиболее известный род речеведческих экспертиз. В одноименной книге В.О. Кузнецова, изданной Российским федеральным центром судебной экспертизы при Минюсте России (РФЦСЭ), в параграфе 3.3 «Объект судебной лингвистической экспертизы, его свойства и признаки» определение объекта отсутствует – однако указывается, что экспертам «поступают различные материальные носители информации – листовки, оптические диски, периодические издания, книги, флеш-накопители и др., на ко-

торых зафиксированы непосредственные (специальные) объекты судебной лингвистической экспертизы – продукты речевой деятельности: от отдельного слова до целого текста или группы текстов как в устной (звучащие тексты), так и в письменной форме» [4, с. 109–110]; далее автор использует «тексты» и «продукты речевой деятельности» как полные синонимы, обозначающие собственно объекты.

Воспроизводя определения текста из академических источников по языкознанию, автор указывает, что вообще таких определений «существует множество», причем нет «единой и общепринятой классификации текстов», но для нужд экспертизы можно выделить три типа: письменный, звучащий (устный) и поликодовый (креолизованный) текст – по таким основаниям, как «форма речи (устная – письменная) и вид используемых знаковых систем (вербальная – невербальная)» [4, с. 110–111]. Под поликодовыми объектами понимаются негетогенные вербально-невербальные: «Прежде всего, это тексты, сопровождаемые рисунками или фотографиями (плакаты, демотиваторы, карикатуры и так далее), которые активно включаются в формирование смысла текста. Также креолизованными текстами являются видеоролики, видеозаписи митингов, шествий и др.» [4, с. 112]. Отдельный, четвертый тип – это «гибридные, промежуточные формы представления текста, в разной мере совмещающие в себе черты выделенных типов»: письменная фиксация устной речи, устное воспроизведение письменного текста и так называемые электронные тексты («чаты, блоги, форумы, электронные письма, SMS, видеоконференции и др.»).

У такого понимания объектов есть один несомненный плюс – они делятся на типы, группы по двум основаниям, существующим в объективной действительности: устные-письменные и вербальные-невербальные. Однако с научной и логической точки зрения это деление спорное; поясним, почему.

Понимание поликодовых объектов как вербально-невербальных противоречит лингвистическому и психологическому представлению о невербальной коммуникации как ограниченном круге явлений (фонационные, оптико-кинетиические, знако-символические, тактильные, пространственно-временные средства общения) и чрезвычайно расширяет область невербального. Так, например, в видеозаписи митинга элементы визуального ряда – здания, дороги, городские пейзажи, погодные явления, горожане, их автомобили, а также сами участники митинга без учета их речи, жестов и пространственного расположения в момент каждого конкретного

акта общения – не относятся к невербальной коммуникации в научном смысле и чаще всего появляются в кадре потому, что технически невозможно их не записать. Отдельного же определения «невербального» для судебной лингвистической экспертизы автор не предлагает.

В группу гибридных помещен такой объект, как видеоконференции (очевидно, имеется в виду видеозапись таких конференций), хотя по форме он не имеет принципиальных отличий от видеозаписей митингов и шествий, помещенных в другую группу – поликодовые объекты.

Де-факто автор вводит еще два основания для классификации объектов – первичность-производность и спонтанность-подготовленность, – однако применяет их не ко всем объектам, а выборочно. Так, возникает отдельная гибридная форма – подготовленная устная речь: «лекции, публичные выступления, диктанты, судебные решения» [4, с. 112] (к письменным и поликодовым объектам как таковым параметр подготовленности не применяется). Как гибридные обособлены и «тексты, полученные в результате простой письменной фиксации изначально устного текста»: это обособление сомнительно прежде всего потому, что «простой письменной фиксации» не существует – на практике при преобразовании устной речи в письменную всегда происходит искажение, и часто оно столь сильное, что требуется отдельная лингвистическая экспертиза для диагностики связи между тем, что было, и тем, что стало. Важно, что при конвертации письменной речи в устную и наоборот производное произведение может сохранить некоторые особенности исходного как конкретного объекта (прежде всего содержательные), но не общие особенности типа речи исходного произведения, поэтому классификация производных произведений по типу речи исходных – это классификация по несохранившимся, отсутствующим признакам.

Некоторая часть объектов лингвистической экспертизы («группы текстов», речевые объекты вне речевых актов, визуальная составляющая поликодовых объектов) выходит за границы множества объектов судебного речеведения. Следовательно, если считать верными и позицию, представленную в учебнике «Судебное речеведение» МГЮА, и позицию, представленную в книге В.О. Кузнецова, то судебная лингвистическая экспертиза лишь отчасти принадлежит к классу судебного речеведения.

Говоря о научно-практической школе судебной лингвистики РФЦСЭ, нужно упомянуть, что эта школа в своих публикациях предлагает еще одно, новое основание для классификации объектов – форму коммуникации («реальная –

виртуальная») – и новый, четвертый тип объектов – так называемые электронные тексты, которые «вбирают в себя черты устных, письменных и поликодовых текстов» [5, с. 8] (какие именно черты – не уточняется). Таким образом, если выделять четыре типа объектов (устные, письменные, поликодовые и электронные), то получается, что в виртуальной коммуникации все до сих пор известные объекты отсутствуют. Если же все-таки типов шесть (три реальных: устные, письменные и поликодовые – и три таких же виртуальных: устные, письменные и поликодовые) – то, значит, четырехчастная классификация РФЦСЭ неверна. Так или иначе, она не проходит проверку формальной логикой.

ГОСТ Р 70003–2022 «Судебная лингвистическая экспертиза» предлагает в качестве общеродового объекта текст (как мы цитировали выше) – «последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [1, с. 1]. Последовательность знаковых единиц может быть объектом судебного речеведения только тогда, когда она «является следом конкретного речевого акта» [3, с. 14], но некоторые тексты – например, созданные при участии искусственного интеллекта, – таким следом быть не могут.

У *нейминговой экспертизы*, которая в настоящее время осмысливается прежде всего как разновидность лингвистической, особые объекты. Для них был специально создан термин «неймы» – «словесные и комбинированные обозначения, используемые в качестве средств индивидуализации, личные имена, псевдонимы, доменные имена, никнеймы, географические наименования, внутригородские названия и пр., зафиксированные на любом материальном носителе» [6, с. 130]. В категорию неймов входят и товарные знаки, фирменные наименования, коммерческие обозначения [7]. Под комбинированными следует понимать вербально-визуальные объекты.

Есть ли место для неймов в вышеописанных классификациях объектов рода (лингвистическая экспертиза) и класса (речеведение)? Словесные обозначения – это, несомненно, письменный текст небольшого объема. Комбинированные же вербально-визуальные обозначения, чтобы они совпали с категорией поликодовых объектов по версии РФЦСЭ, нужно считать «вербально-невербальными», то есть понимать их визуальный компонент как невербальное в максимально широком, нелингвистическом смысле. Что касается судебного речеведения, то его объектами могут считаться только словесные обозначения, ведь изображение – это не продукт речевой деятельности. Таким образом, и нейминг тоже – не вполне судебное речеведение.

Судебная экспертиза фонограмм (варианты названия – фоноскопическая, фонографическая экспертиза, криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей [8, с. 1]) – особый род судебных речеведческих экспертиз. Он упоминался в этом качестве с самого начала – когда еще только зарождалась концепция судебного речеведения и предполагалось «разделять предметно-практическую деятельность, известную как лингвистическая, автороведческая и фоноскопическая экспертиза, и судебное речеведение как “материнскую науку”, служащую ее фундаментом» [9, с. 18]. В дальнейшем эта отмеченная Е.И. Галяшиной «единая научная основа экспертно-лингвистического исследования устных и письменных произведений речи» стала общим названием для класса экспертиз, а вот фоноскопию из него отчасти исключили: сейчас в теоретических и методических публикациях встречаются утверждения, что она лишь «примыкает» к нему [2, с. 89], относится «частично» [10, с. 9]. При этом нет общего понимания, к какому еще классу судебных экспертиз, если не к речеведению, ее можно было бы отнести.

Объекты этого рода экспертиз – «устная речь, зафиксированная на фонограмме» или «фонограммы, зафиксированные на любом материальном носителе» [3, с. 171], «фонограммы аудио-, видеозаписи, имеющие доказательственное значение по делу, зафиксированные на материальном носителе информации, а также сами звукозаписывающие устройства» [10, с. 83–84]. Фонограмма – это «звуковые сигналы, записанные на носителе», а видеофонограмма, соответственно, «звуковые и видеосигналы, записанные на носителе» [8, с. 1]; термин в единственном числе указывает на обособление некой части непрерывного потока сигналов в конкретном произведении – устно-речевом или комбинированном. Если понимать фонограмму именно как продукт речевой деятельности (а не звукозаписывающей деятельности, не всегда связанной с речевой), то, безусловно, фонограмма является объектом судебного речеведения. А вот звукозаписывающие устройства сейчас не входят в этот круг (поскольку они и не речь, и не материальный носитель). Однако они имеют объективную связь и с тем, и с другим: именно на них, с их помощью создается фонограмма – и звучащая речь впервые фиксируется на материальном носителе. Согласно общей теории судебной экспертизы «механизм передачи информации от источника к носителю» – это тоже часть объекта как сложной системы [11, с. 89]. Поэтому нам представляется, что отнесение звукозаписывающих устройств к объектам ре-

чеведения вполне возможно – особенно в этой, самой инструментализированной его области.

В *автороведческой экспертизе* с 1970-х, с определения С.М. Вула «Непосредственным объектом криминалистического исследования письма является текст документа» [12, с. 4], понимание объекта некоторым образом менялось. Если «Комплексная методика производства автороведческих экспертиз» ЭКЦ МВД 2007 г. констатировала, что объекты – это «тексты, которые могут быть представлены на экспертизу в различных видах» [13, с. 5], то методическое пособие РФЦСЭ 2020 г. возвращается к определению Вула и уточняет его: «Объект судебно-автороведческой экспертизы – письменная речь автора документа, зафиксированная на материальном носителе», под объектами понимаются «рукописные тексты, документы, выполненные в электронном виде, полиграфическим способом или с помощью множительной техники, а также смс-сообщения, переписки в социальных сетях, мессенджерах и т.п.» и, конечно, «образцы письменной речи» [14, с. 8]. Учебник Российского государственного университета правосудия содержит два равноправных определения объекта: это «текст» (без уточнения и раскрытия данного понятия) и «тексты книг, брошюр, журналов, листовок, заявлений, обращений, жалоб, писем, статей; записей в блогах, сайтов, веб-архивов» [15, с. 21]. А в учебном пособии МГЮА не сформулировано определение объекта, однако используется устойчивое выражение «речевое произведение как объект судебной автороведческой экспертизы» [16, с. 52–65]; составители повторяют здесь свою мысль о «существенном расширении и изменении состава объектов» в связи с возникновением веб-коммуникации, действием закона речевой экономии внутри нее, распространением шаблонов для электронных документов, появлением нового – электронного носителя информации [17, с. 341].

В принципе вышеназванные письменные объекты входят в круг объектов судебного речеведения – если не заострять внимание на том, что в автороведении работа автора текста является речевой деятельностью, сопоставимой с какими-либо конкретными речевыми актами, а вот работа исполнителя текста вряд ли.

Таким образом, в судебном речеведении несмотря на множество усилий теоретиков и практиков пока не сложилось единое понимание объекта (объектов) и сколько-нибудь непротиворечивая их классификация. Однако есть предпосылки к этому – и самая важная, на наш взгляд, это речевая инерция самих экспертов, стихийное обращение многих из них к словосочетанию «речевое произведение» – с оговоркой,

что оно и другие термины для обозначения объектов «рассматриваются как тождественные» [10, с. 8], или же без такой оговорки. Если учесть, что «речевое произведение», «произведение речи» фигурировало в самых ранних определениях объектов класса ([9, с. 16, 24; 18, с. 7]), то это возвращение к первоначальному терминологическому варианту.

Безусловно, судебные речеведческие экспертизы имеют дело с нематериальным объектом на материальном носителе. Но нематериальное не значит ненаблюдаемое. Все разнообразные объекты имеют наблюдаемые и бесспорно определяемые свойства, которые можно положить в основу единой, логически непротиворечивой классификации.

Главные свойства, присущие объектам судебного речеведения, – это языковая или неязыковая природа и соотносительность со зрительным или слуховым (аудиальным) каналом восприятия. Оба этих критерия объективны и имеют бесспорную научную основу (соответственно языкознание и физиология человека), оба определены (первый – при наличии специальных знаний) и не создают трудностей в диагностике.

Кроме того, обособленные объекты могут быть статическими или динамическими: первые возможно воспринять полностью одновременно, а вторые разворачиваются во времени.

Различные комбинации этих трех оснований дают следующие группы объектов.

А) Статические объекты, имеющие языковую природу и воспринимаемые зрительно, – это письменная речь на естественных языках, а также на коммуникативно реализованных искусственных языках человеческого общения (т.н. плановые языки).

Б) Статические объекты, имеющие неязыковую природу и воспринимаемые зрительно, – это статическое изображение, символы.

В) Динамические объекты, имеющие языковую природу и воспринимаемые зрительно, – это анимированный текст (в том числе и бегущая строка, и субтитры, которые появляются и исчезают на экране), а также объекты, где зафиксировано общение на жестовых языках.

Г) Динамические объекты, имеющие неязыковую природу и воспринимаемые зрительно, – это динамическое изображение. (Таким изображением может оказаться и говорящий человек.)

Д) Динамические объекты, имеющие языковую природу и воспринимаемые аудиально, – это устная речь.

Е) Динамические объекты, имеющие неязыковую природу и воспринимаемые аудиально, – это все прочие звуки.

Ж) И, наконец, в отдельную группу нужно выделить самые экзотические объекты – тактильные письменные (например, по системе Брайля): здесь используется третий (!) канал восприятия, само восприятие можно охарактеризовать как динамическое, а объекты имеют языковую природу.

Статические объекты, воспринимаемые аудиально, – несуществующая группа (математически – пустое множество), так как слуховой канал воспринимает только динамические объекты.

Итого получилось семь групп – и девять видов объектов: письменная речь, статическое изображение, символы, анимированный текст, жестовые объекты, динамическое изображение, устная речь, неречевые звуки, тактильные письменные объекты. Поскольку это деление по комбинированному основанию, называть которое полностью долго и неудобно, следует принять вышеприведенные обиходные названия объектов в качестве терминов. На наш взгляд, само основание допустимо называть *делением объектов на группы по способу кодирования и передачи значений*.

В этом делении остался неучтенным материальный носитель.

Основной вид материального носителя в XXI веке – электронный. Либо объект может быть представлен в виде файла на определенном предмете-носителе (жесткий диск компьютера, компакт-диск, флеш-накопитель, карта памяти), либо материальный носитель недоступен для непосредственного наблюдения (сеть Интернет), а сам объект обособлен на нем в виде файла или же не обособлен. На электронном носителе может существовать почти любой объект. А неэлектронные носители динамических объектов (пластинка, диафильм) сейчас уходят в прошлое.

Статические объекты, воспринимаемые зрительно (письменная речь, статические изображения, символы), традиционно наносятся на бумагу – но столь же традиционными можно считать и небумажные виды носителя: ткань, дерево, пластик, камень, грунт и т.д., то есть любые твердые поверхности, удобные для письма, рисования и нанесения принта. Тактильные письменные объекты всегда требуют неэлектронного носителя.

Итак, *по виду материального носителя* объекты судебного речеведения можно разделить на пять групп:

- файлы на предмете-носителе;
- файлы в сети Интернет;
- неособобленные объекты в сети Интернет;
- объекты на бумаге;
- объекты на небумажном носителе (с указанием материала носителя).

Объект всегда передается на экспертизу на конкретном предмете-носителе, но эксперт-речевед должен понимать, что те объекты, которые первоначально находились в сети Интернет, перед экспертизой претерпели конвертацию (изменение носителя), были извлечены из исходного контекста, и свойства, возникшие в результате этой конвертации, неотнесимы к первоначальному объекту и его автору.

В такой классификации не нашлось места поликодовому (или креолизованному) объекту. Поликодовый объект – это комбинация разных типов способа кодирования и передачи значений внутри одного объекта: например, музыкальный клип состоит из устной речи, неречевых звуков и динамического изображения (видео, компьютерная графика); в выпуске новостей кроме этих компонентов также могут быть письменная речь, статическое изображение (например, при демонстрации фотоснимков в новостном сюжете), субтитры и жестовый компонент (сурдоперевод); журнальная статья, комикс, плакат – это письменная речь, статические изображения и иногда символы; и т.д.

Поликодовый объект в современном судебно-экспертном понимании отличается от исходного понимания креолизованного текста как письменного произведения, к которому для придания выразительности, эстетических качеств добавлен неречевой компонент: «По-видимому, наличие таких негомогенных частей в структуре текста является одним из способов создания коммуникативного напряжения и в текстовом, и в затекстовом пространстве» [19, с. 181]. В современных условиях коммуникации всё иначе. Комбинированный объект обычно создается на основе видео и может возникать по сугубо техническим причинам: так, например, человек, желающий записать свой устный монолог и разместить в социальной сети, как правило, записывает его в формате видео, и комбинация динамического изображения с устной речью не несет смысловой и эстетической нагрузки – либо смысл возникает случайно, без связи с предметом речи. При судебно-экспертном исследовании такого объекта «функция дополнительного воздействия на адресата» вторым компонентом [5, с. 14] – это зачастую домысел эксперта.

Как на практике отграничить поликодовые объекты от неполикодовых? Иными словами – когда плакат с декором или смс-сообщение с эмодзи перестает быть только письменной речью и становится комбинированной? Нельзя исходить только из объемного, количественного соотношения каждого типа информации в объекте, так как компоненты могут быть несопоставимы подобным образом. Нам представляется,

что объект можно считать поликодовым тогда, когда второй и последующие компоненты не только выполняют вспомогательно-иллюстративную функцию по отношению к первому, но и самостоятельно несут смысл, то есть могли бы быть отдельными монообъектами, пригодными для судебной речеведческой экспертизы.

Итак, **общий объект судебного речеведения – это речевое или комбинированное произведение на материальном носителе.** Объекты можно классифицировать по двум независимым основаниям: по способу кодирования и передачи значений (письменная речь, статическое изображение, символы, анимированный текст, жестовый объект, динамическое изображение, устная речь, неречевые звуки, тактильный письменный объект) и по виду материального носителя (файлы на предмете-носителе, файлы и необособленные объекты в сети Интернет, объекты на бумаге и на небумажном носителе). Кроме того, объектом судебной экспертизы фонограмм может выступать и записывающее речью устройство. Эта информация – необходимый минимум для понимания объекта судебного речеведения.

Список литературы

1. ГОСТ Р 70003–2022 Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения. М.: Российский институт стандартизации, 2022. 7 с.
2. Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентный подход) / Под ред. Е.Р. Россинской, Е.И. Галяшиной. М.: Проспект, 2017. 272 с.
3. Галяшина Е.И. Судебное речеведение: Учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 320 с.
4. Кузнецов В.О. Судебная лингвистическая экспертиза: Монография. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2021. 352 с.
5. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: Методическое пособие / Под ред. С.А. Смирновой. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.
6. Соколова Т.П., Чубина Е.А. Реклама и коммерческие наименования как объекты судебной лингвистической экспертизы: Учебное пособие. М.: Флинта, 2019. 264 с.
7. Соколова Т.П. Нейминговая экспертиза: организация и производство / Под ред. Е.И. Галяшиной. М.: Юрлитинформ, 2016. 208 с.
8. ГОСТ Р 58332–2018 Судебная экспертиза фонограмм. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2019. 4 с.
9. Галяшина Е.И. Методологические основы судебного речеведения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.21. М., 2003. 48 с.
10. Сааков Т.А., Никишин В.Д. Назначение и оценка речеведческих экспертиз в уголовном процессе: Учебное пособие. М.: Проспект, 2023. 104 с.

11. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология). М.: Норма : ИНФРА-М, 2016. 368 с.
12. Вул С.М. Криминалистическое исследование признаков письменной речи. Киев: РИО МВД УССР, 1973. 44 с.
13. Комплексная методика производства авторо-ведческих экспертиз: Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2007. 192 с.
14. Методические рекомендации по проведению судебно-авторо-ведческих экспертиз. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020. 48 с.
15. Моисеева Т.Ф., Огорелков И.В. Судебная авторо-ведческая экспертиза: Учебное пособие. М.: РГУП, 2022. 112 с.
16. Соколова Т.П., Чубина Е.А. Судебная авторо-ведческая экспертиза: Учебное пособие. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 368 с.
17. Соколова Т.П. Проблемы экспертной диагностики в судебном авторо-ведении // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: Сборник докладов Международной научной конференции, Нижний Новгород, 16–17 мая 2019 года. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 340–345.
18. Галяшина Е.И. Основы судебного рече-ведения: Монография / Под ред. М.В. Горбаневского. М.: СТЭНСИ, 2003. 236 с.
19. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.

OBJECTS OF FORENSIC SPEECH EXAMINATION

E.V. Novozhilova

The article is devoted to one of the main aspects of forensic speech examination theory (particular theory of forensic science). The author summarizes and checks for compliance with formal logic all ideas about object set forth in modern scientific, methodological, and educational literature in Russian. After that, the author proposes a new definition of object and the classification of objects according to the type of information and material carrier.

Keywords: forensic speech examination, forensic linguistics, object.

References

1. SS R 70003-2022 Forensic linguistic expertise. Terms and definitions. M.: Russian Institute of Standardization, 2022.7 p.
2. Forensic expert science: history and modernity (scientific school, expert practice, competence approach) / Edited by E.R. Rossinskaya, E.I. Galyashina. M.: Prospect, 2017. 272 p.
3. Galyashina E.I. Judicial speech: Textbook. M.: Norm: INFRA-M, 2022. 320 p.
4. Kuznetsov V.O. Forensic linguistic expertise: Monograph. M.: Federal State Budgetary Institution of the Russian Federation under the Ministry of Justice of Russia, 2021. 352 p.
5. Semantic research in forensic linguistic expertise: A methodological guide / Ed. by S.A. Smirnova. M.: RECCE under the Ministry of Justice of Russia, 2018. 136 p.
6. Sokolova T.P., Chubina E.A. Advertising and commercial names as objects of forensic linguistic expertise: Textbook. M.: Flint, 2019. 264 p.
7. Sokolova T.P. Naming expertise: organization and production / Edited by E.I. Galyashina. M.: Yurlitinform, 2016. 208 p.
8. SS R 58332-2018 Forensic examination of soundtracks. Terms and definitions. M.: Standartinform, 2019. 4 p.
9. Galyashina E.I. Methodological foundations of modern speech production: Abstract of the dissertation of the Doctor of Philology: 10.02.21. M., 2003. 48 p.
10. Saakov T.A., Nikishin V.D. Appointment and evaluation of speech examinations in the criminal process: Textbook. M.: Prospect, 2023. 104 p.
11. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. Theory of forensic examination (Forensic expertise). M.: Norm : INFRA-M, 2016. 368 p.
12. Vul S.M. Criminalistic investigation of signs of written speech. Kiev: EPD of the Ministry of Internal Affairs of the Ukrainian SSR, 1973. 44 p.
13. Comprehensive methodology for the production of authorship examinations: Methodological recommendations. M.: ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. 192 p.
14. Methodological recommendations for conducting authorship commodity expertise. M.: Federal State Budgetary Institution of the Russian Federation under the Ministry of Justice of Russia, 2020. 48 p.
15. Moiseeva T.F., Ogorelkov I.V. Forensic expert examination: Textbook. M.: RGUP, 2022. 112 p.
16. Sokolova T.P., Chubina E.A. Forensic authorship expertise: Textbook. M.: Norma: INFRA-M, 2023. 368 p.
17. Sokolova T.P. Problems of expert diagnostics in judicial authorship // International and national trends and prospects for the development of forensic expertise: Collection of reports of the International Scientific Conference, Nizhny Novgorod, May 16–17, 2019. N. Novgorod: N.I. Lobachevsky National State University, 2019. P. 340–345.
18. Galyashina E.I. Fundamentals of judicial speech: Monograph / Ed. by M.V. Gorbanevsky. M.: STANCY, 2003. 236 p.
19. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. Creolized texts and their communicative function // Optimization of speech impact. M.: Science, 1990. P. 180–186.